

Научная статья

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-2/10-22>

## Роль баллады в формировании художественной манеры Леонида Завальнюка

Виктория Дмитриевна Гавриленко<sup>1</sup>, Наталия Владимировна Киреева<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Благовещенский государственный педагогический университет,  
Благовещенск, Российская Федерация

<sup>1</sup> Старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, [gin\\_kitsune@list.ru](mailto:gin_kitsune@list.ru),  
<https://orcid.org/0000-0002-1489-1196>

<sup>2</sup> Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы,  
[kireeva@bgpu.ru](mailto:kireeva@bgpu.ru), <https://orcid.org/0000-0001-7354-5181>

**Аннотация.** В статье рассматривается путь формирования индивидуальной художественной манеры Леонида Завальнюка. Данное явление прослеживается на примере сборника «За отступающим горизонтом» (1956). Особое внимание уделено «Таёжной балладе» и «Балладе о тающем снеге». Их сюжет развивается в художественном пространстве тайги, ставшей местом нравственного испытания. Завальнюк первым ввёл образ тайги в балладу. В его произведениях прослеживается как сохранение балладных традиций, так и трансформация жанра. Баллада помогла поэту в поиске своей художественной манеры и в реализации сюжетного начала его лирики.

**Ключевые слова:** Леонид Завальнюк, баллада, жанр, жанровый эксперимент, жанровый канон, сюжетность, мотив

**Для цитирования:** Гавриленко В.Д., Киреева Н.В. Роль баллады в формировании художественной манеры Леонида Завальнюка // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 10–22.

Original article

## The role of the ballad in the formation of the artistic manner of Leonid Zavalnyuk

Victoria D. Gavrilenko<sup>1</sup>, Nataliya V. Kireeva<sup>1</sup>

<sup>1,2</sup> Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russian Federation

<sup>1</sup> Senior Lecturer of the Department of Russian as a Foreign Language, [gin\\_kitsune@list.ru](mailto:gin_kitsune@list.ru),  
<https://orcid.org/0000-0002-1489-1196>

<sup>2</sup> Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department  
of Russian Language and Literature, [kireeva@bgpu.ru](mailto:kireeva@bgpu.ru), <https://orcid.org/0000-0001-7354-5181>

**Abstract.** The article examines the way of forming the individual artistic style of Leonid Zavalnyuk. This phenomenon is traced using the example of the collection "Behind the Receding

Horizon" (1956). Particular attention is paid to "Taiga Ballad" and "Ballad of the Melting Snow". Their plot develops in the artistic space of the taiga, which has become a place of moral testing. Zavalnyuk was the first to introduce the image of the taiga into the ballad. His works show both the preservation of ballad traditions and the transformation of the genre. The ballad helped the poet in finding his artistic style and in realizing the plot of his lyrics.

**Key words:** Leonid Zavalnyuk, ballad, genre, genre experiment, genre canon, plot, motif

**For citation:** Gavrilenko V.D., Kireeva N.V. The role of the ballad in the formation of the artistic manner of Leonid Zavalnyuk. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 2, pp. 10–22. (In Russ.).

Леонид Завальнюк (1930–2010) – поэт, прозаик, драматург, сценарист и художник, пришедший в литературу ещё в 1950-е гг., но лишь сейчас обретающий заслуженное место в отечественной литературе. Можно согласиться с оценкой литературоведа А.А. Белого, назвавшего Завальнюка недооценённым, непрочитанным, но не забытым поэтом [26]. На данный момент литературное наследие Завальнюка продолжает оставаться малоизученным, однако при этом вызывает стойкий интерес у литературоведов. Так, Центром литературного краеведения Благовещенского государственного педагогического университета более 20 лет ведётся изучение как опубликованных произведений поэта, так и его рукописного архива [5; 20; 21; 22; 24; 25; 28]. В 2016 г. в Амурской области, откуда Завальнюк начал свой путь в литературу и где увидели свет первые поэтические сборники, была учреждена литературная премия его имени. После смерти Завальнюка его произведения продолжают издаваться [7; 9; 11; 12; 15; 16]. Особого внимания заслуживает альбом стихов и картин [13], а также подготовленный А.А. Белым лирический сборник «Всё с вами, но не ваш», в который наряду с ранее опубликованными стихотворениями вошло около двухсот прежде никогда не издававшихся [6].

Первый период творчества Завальнюка приходится на 1950–1960-е гг. Он характеризуется поиском индивидуальной художественной манеры и проявляется в эксперименте с использованием разных жанровых форм: лирических, прозаических и лиро-эпических.

Так, наряду с лирическими стихотворениями поэт обращается к созданию песен в соавторстве с дальневосточными композиторами Н.А. Лошмановым и Е.Н. Лыткиным. В 1962 г. выходит первый песенный сборник Завальнюка «Приснитесь мне, города», а спустя почти десятилетие – сборник «Как ты близок мне, Дальний Восток» (1971). Примечательно, что в обоих изданиях частотными являются образы Дальнего Востока, Амура и Благовещенска («Как ты близок мне, Дальний Восток», «Каток на Амуре», «Песня о Благовещенске», «Амурская песня о Днепре», «Амурская прощальная», «Амурские вёсны», «Девичья дальневосточная» и др.), что свидетельствует о важности этих художественных образов для поэта.

Несмотря на то, что в дальнейшем Завальнюк не издавал песенные сборники, к жанру песни он постоянно обращался в 1970–1980-е гг. Более того, широкой публике он прежде всего известен как поэт-песенник, на чьи стихи исполняли песни многие советские и российские музыканты. В соавторстве с композиторами Ю. Саульским, Л. Лядовой, А. Зацепиным, Д. Тухмановым, Б. Емельяновой и др. Завальнюк написал стихи к более чем полусотне популярных песен. Не единожды удостоивался звания лауреата телевизионного фестиваля «Песня года»: «Не покидает нас весна» (исп. И. Кобзон, 1979), «Ожидание» (исп. С. Ротару, 1980),

«Осенняя мелодия» (исп. С. Ротару, 1981), «Обида» (исп. Т. Рузавина и С. Таюшев, 1982), «Счастья тебе, Земля!» (исп. С. Ротару, 1983), «Сожалею» (исп. В. Леонтьев, 1986) [13, с. 208].

Не менее удачными были эксперименты Завальнюка в прозаических жанрах. Первым прозаическим произведением стала небольшая повесть «На полустанке» (1961), однако широкую известность получила другая повесть, написанная тремя годами позже, – «Дневник Родьки – “трудного человека”» (1964).

После переезда в Москву Завальнюк выступил в роли сценариста мультипликационных фильмов: «Сегодня день рождения» (1966), «Зеркальце» (1967), «Рассказы старого моряка» (1970), «Алло! Вас слышу!» (1971), «Рассказы старого моряка: Необитаемый остров» (1971), «Коля, Оля и Архимед» (1972), «Рассказы старого моряка: Антарктида» (1972), «Волшебная палочка» (1972). Позже, в соавторстве с С. Кулишом, был написан сценарий к фильму «Развлечение для старичков» (1976). Интерес к созданию произведений для детей продолжился и в третий период творчества (конец 1980-х – 2000-е гг.): «Как заяц Прошка волшебником был» (1996), «Зеркальце» (1997), «Веселая азбука» (1998), «О профессиях» (1999), «По грибы, по ягоды» (1999), «Андрюша и Боря в глубинах моря» (1999), «Азбука» (2000).

В контексте тематики данной работы наибольший интерес вызывает обращение Завальнюка в первой половине 1950-х гг. к лиро-эпическим жанрам. Результатом эксперимента стал выход второй книги – «За отступающим горизонтом» (1956), состоящей из цикла баллад и поэмы «В пути».

Сюжетно поэма «В пути» напоминает роман-воспитание. Завальнюк не скрывал, что при создании поэмы вдохновлялся романом В. Каверина «Два капитана» (1940): «Как бредил он каверинским героем / И сам себе не признавался в том» [8, с. 42]. Героем поэмы становится восемнадцатилетний юноша, современник автора. Его отец погибает на фронте, а мать умирает от горя. Вызванный врач даже не предпринимает попыток бороться за её жизнь. Поражённый равнодушием герой даёт клятву стать врачом и доказать виновность «эскулапа с бутылочно-зелёными глазами» [8, с. 41] в смерти матери. Однако, в отличие от персонажа Каверина – Сани Григорьева, герой Завальнюка не добивается поставленной цели. Можно согласиться с мнением С.И. Красовской, считающей, что герой поэмы достиг большего: освободившись от желания отомстить, он обретает смысл жизни в вечном движении вперёд [24, с. 150]. Значимость поэмы в том, что здесь продолжается поиск своей манеры и ярко раскрывается один из ключевых мотивов лирики Завальнюка – мотив пути, символизирующий жизнь человека, поиск своего места в мире и себя самого. Более того, в поэме поднимается проблема истинных и ложных путей и целей.

Однако открывает сборник балладный цикл. По нашему мнению, обращение к жанру баллады позволило Завальнюку опробовать новые пути развития его поэзии в первый период творчества. Баллада открыла перед поэтом возможности для эксперимента, ведь этот жанр, генезис которого невозможно свести к одному источнику, постоянно претерпевал изменения. Как отмечает Н.И. Кравцов, синкретичный жанр баллады сложился в результате постоянного обогащения благодаря своей связи с народной жизнью и другими жанрами [23, с. 197]. Во многом именно здесь можно найти причины разнообразия тем и мотивов баллады и её изменчивости.

Канонические черты баллады были выделены А.Н. Веселовским. По мнению учёного, балладе свойственны: сюжетность, зачастую с элементами чудесного и сверхъестественного; любовь к троичности; эмоциональность повествования; использование рефренов, повторов и

диалогов; повествование от третьего лица [3, с. 71–79]. Но уже в XVIII в. происходит разрушение канона, деканонизация жанра, в результате чего лирическая составляющая начинает довлеть над сюжетной [2, с. 331–334].

В советской поэзии наблюдался стойкий интерес к жанру баллады и его трансформация [1, с. 68]. В 1920–1930-е гг. к этому жанру обращались Н. Тихонов, Э. Багрицкий, М. Светлов. Во второй половине XX в. жанр переживает процесс трансформации в произведениях Л. Ошанина, Р. Рождественского, В. Высоцкого, Б. Окуджавы. Л. Завальнюк – ученик Л. Ошанина – также внёс вклад в процесс развития и трансформации жанра.

Цикл из пяти баллад, появляющийся в сборнике «За отступающим горизонтом», объединяет в единое целое мотив нравственного испытания. Ключевые позиции цикла – начало и конец – автор отвёл «Таёжной балладе» и «Балладе о тающем снеге», действие которых разворачивается в тайге. Таким образом, поэт «расширяет географию» баллады: вводит в неё таёжную тему и образ тайги как места единения человека с первозданной природой, где способны выжить только сильные духом. Именно в таком контексте представлен образ тайги в повести «Дерсу Узала» (1923) В.К. Арсеньева, в произведениях В.Г. Распутина «Край возле самого неба» (1966) и «Сибирь, Сибирь» (1991), в рассказах В.П. Астафьева «Васюткино озеро» (1952) и «Капалуха» (1963). Важное место таёжная тематика занимает и в произведениях амурских авторов, особый интерес вызывают быт, повседневная жизнь людей, связанных с тайгой. Среди них произведения знаменитого исследователя и писателя Г.А. Федосеева (сборник рассказов «Таёжные встречи» (1950), повести «Тропой испытаний» (1958), «Злой дух Ямбуя» (1966), «Последний костёр» (1968)) и повесть одного из ведущих писателей современной литературы Приамурья В.Г. Лецика «Пара лапчатых унтов» (1979). Анализ этих произведений позволяет убедиться, что мотив нравственного испытания как своего рода экзамен на звание человека так гармоничен и естественен в художественном пространстве тайги.

Второй и третьей балладой цикла стали «Баллада о спрятанном оружии» и «Баллада о рыжем и чёрном». Они близки первой балладе, ключевыми в них выступают мотивы испытания и расплаты за совершаемые проступки.

Четвёртая, «Баллада о жёлтом листе», характеризуется философским осмыслением жизни. Несмотря на своё положение в цикле, это первая, ученическая баллада Завальнюка, написанная по заданию Л. Ошанина в Литинституте: взять первую строфу из стихотворения Игоря Федорина и написать своё произведение:

В очень серьёзное здание,  
Где мрамор холодно чист,  
Был занесён нечаянно  
Жёлтый осенний лист... [10, с. 79]

Кто-то из студентов написал поэму, кто-то песню, а Завальнюк – балладу. Её герой переживает переоценку нравственных ценностей. Он «пробуждается ото сна» и начинает осознавать красоту и быстротечность жизни.

В центре повествования открывающей цикл «Таёжной баллады» – судьба двух мужчин, оказавшихся в тайге и вынужденных пережить выюгу в зимовье. Но этот реалистический сюжет не лишён метафоричности. В экспозиции баллады люди совершают молебен о заблудших в тайге:

Древний обычай края –  
В день, когда быть пурге,  
В сельских церквях правят  
Молебен о заблудших в тайге.  
Хмурые люди молятся  
Хмурому богу тайги:  
– Всем,  
Кто скитается по лесу,  
Господи, помоги! [8, с. 9]

Происходит характерное для баллады смешение языческих и христианских понятий. С одной стороны, ведётся богослужение в церкви, а с другой – люди обращаются к языческому «хмурому богу тайги». Молитва о спасении потерявшихся в тайге становится молитвой о спасении заблудшей души, сбившейся с истинного пути. Обратим внимание, что слово «всем» автор выносит в отдельную строку, так подчёркивается мысль, что «перед Богом все равны».

В «Таёжной балладе» Завальнюк использует архетипический сюжет притчи о братьях Авеле и Каине. В русской литературе к нему обращались И.А. Бунин («Каин»), Н.С. Гумилёв («Сон Адама», «Потомки Каина», «Дочери Каина»), С.А. Есенин («Анна Снегина»), М.А. Шолохов («Тихий Дон»), но при этом каждый автор преобразовывал сюжет, наполнял его новыми смыслами и образами [18, с. 78–85]. Далее перед читателем должны появиться «братья», но поэт привносит изменения: герои не являются братьями, сближает и роднит их посланное им испытание, о чём повествуется во второй строфе. Использование собирательного числительного «двое» подчёркивает единство героев, их одинаково трудное положение:

...Вторая неделя, как двое  
Еле вползли в дом.  
Вторую неделю двое  
Лежат в зимовье пластом.  
А вьюга поёт кочетом  
На весь белый свет.  
И первый сказал:  
– Кончено.  
Хлеба больше нет... [8, с. 9]

Разбушевавшаяся стихия для «первого» становится нравственным испытанием, которого герой не выдерживает. Он обманывает товарища и скрывает от него последний кусок хлеба. Тем самым нарушается одна из христианских заповедей: не лжесвидетельствуй, не обманывай. Желая спасти себя, герой обрекает на гибель человека:

Воздух упруг, как губка.  
В висках засыпает кровь.  
Обглодав рукава полушубка,  
К ночи затих второй [8, с. 9–10].

Символичны слова «Хлеба больше нет...». Речь идёт не только об отсутствии пищи как таковой, но и о потере веры. В Евангелии от Иоанна Иисус говорит: «Я есмь хлеб жизни» (Ин. 6:48). Хлеб символизирует тело Христово в христианской традиции. Земной хлеб питает тело, а хлеб небесный – души. Лишившийся веры «второй» обессиливает и умирает. Его гибель ложится тяжким грехом на «первого».

Стоит обратить внимание, что при переиздании поэт нередко давал своим произведениям новые названия, а порой вносил и небольшие правки. Это было связано с переосмыслением ключевых моментов в мировоззрении, развитием творческого почерка. Примечательно, что «Таёжная баллада» при повторной публикации получила новое название – «Баллада о хлебе». Давая такое название спустя почти двадцать лет после первой публикации, автор подчёркивает библейский смысл, который, возможно, изначально сам не осознавал или целенаправленно не выделял по цензурным соображениям.

Косвенно герой баллады становится убийцей, таким же, как Каин, который, согласно книге Бытия, считается первым человеком, совершившим убийство. За одним совершённым грехом (лжесвидетельство) следует другой, который нельзя исправить. Убийство является самым страшным грехом в художественном мире поэта. Эта мысль неоднократно находит выражение в более поздних лирических произведениях: «Заповедь», «Разговор с шестой заповедью», «Не убий!». Шестую заповедь поэт назовёт «единой», то есть объединяющей всех людей вне зависимости от их национальности и вероисповедания: «Только верю в единую заповедь – / Не убий!» [14, с. 62]. Анализ баллады позволяет убедиться: уже в начале творческого пути поэт предлагает убедительное художественное воплощение для шестой христианской заповеди.

Появляющийся в балладе образ мертвеца вводит характерную для балладного жанра категорию ужасного. К этой категории в зарубежной литературе обращались Г.А. Бюргер, И.В. Гёте, Ф. Шиллер, а в русской – В.А. Жуковский. Но если в балладах Жуковского мертвец является в снах, тем самым происходит встреча двух миров (земного и потустороннего), что типично для жанра, то у Завальнюка мертвец реален, он настойчиво напоминает о совершённом грехе:

Скулы воском отглажены,  
Глазница синим кольцом...  
И первый, чтоб не было страшно,  
Положил его вниз лицом [8, с. 10].

Никакого раскаяния, сожаления и чувства вины «первый» не испытывает – лишь страх перед пугающим лицом покойника. Однако сокрытый от товарища кусок хлеба не спасает «первого». Охваченный лихорадкой, он оказывается на пороге между жизнью и смертью, так и не осознав своих грехов, а значит, лишается шанса на спасение. Откликнувшиеся на молитвы людей «мудрые боги тайги» воплощаются в образе охотников, которые живут по суровым законам тайги и способны спасти героя из снежного плена:

И хоть это нигде не сказано,  
Люди с таёжной судьбой,  
Жизнью рискуя,  
Обязаны  
Живых уносить с собой [8, с. 10].



Тем не менее грехи, совершённые «первым», лишают его шанса на спасение:

Но когда слушали сердце,  
Голубой обнажив сосок,  
На землю  
Из-за пазухи  
Выпал  
Чёрствого хлеба кусок...

И старшой суковатой палкой  
Сухарь отшвырнул псам.  
– Пули на гада жалко.  
Пусть умирает  
Сам [8, с. 10–11].

Если в начале баллады Завальнюк выделяет местоимение «всем», то здесь мы видим, как в отдельную строку выносятся местоимение «сам». Суровый таёжный край, населённый сильными духом и телом людьми, не оставляет шансов лжецу и убийце, утаившему последний кусок хлеба. Испытание, посланное заблудшей душе, завершилось поражением.

В завершении баллады переосмысливается и образ языческого «хмурого бога», появляющегося в начале стихотворения. Его место занимают люди, которые вершат в тайге свой суд – «мудрые боги тайги»:

Пурга улеглась к рассвету.  
И высушив сапоги,  
Ушли по медвежьему следу  
Мудрые боги тайги [8, с. 11].

Характерная для баллады персонификация природных сил позволяет сделать вьюгу и пургу активными участницами происходящих событий: по мере приближения кульминации вьюга усиливается (сначала «поёт», затем «жалит снежным сеевом»), затишье наступает после завершения испытания. Так проводится параллель между миром нравственным и миром природным. Балладный цикл Завальнюка открывает сюжет о человеке, который не справляется с нравственным испытанием. Завершает цикл «Баллада о тающем снеге», в которой подводится итог размышлениям о нравственной состоятельности человека.

Если в «Таёжной балладе» повествование ведётся от третьего лица, то в пятой балладе – от первого. Однако лирическое «я» не становится действующим героем, а остаётся рассказчиком: «Балладу о тающем снеге / Ставлю с другими в ряд» [8, с. 22].

Герой баллады вынужден идти пешком через тайгу вместе со своей спутницей. Уже в самом начале зарождается предчувствие страшного. Как отметил В.И. Тюпа, диалог в балладе «демонстрирует движение сюжета» [27, с. 441], он становится движущей силой развития событий. Завальнюк же отказывается от диалога, используя лишь отдельные реплики героев:

Мокрым тающим снегом  
Лес пропах весь.

И женщина сказала со смехом:  
– А мы заночуем здесь!  
А мы разобьём палатку,  
Сделайте для меня!  
Спит она сладко-сладко,  
Мужчина сидит у огня [8, с. 23].

Идиллическая картина весеннего леса и оживающей после долгого сна природы, образы женщины и мужчины создают романтический фон. Но со сменой художественного времени изменяется атмосфера баллады и даже форма. При изображении ночи как времени испытаний поэт использует рубленные строки, передавая короткими фразами ожидание страшного:

В восемь  
Она уснула,  
А в десять  
Стая пришла [8, с. 23].

Типичным балладным размером является четырёхстопный хорей [2, с. 333], однако Завальнюк отказывается от него, что связано с использованием эпического элемента, сюжетности. А.П. Квятковский отмечал значимость такого элемента для баллад XX в., подчёркивая, что баллада – «это сюжетное стихотворение на современную тему, выдержанное преимущественно в остром ритме» [19, с. 56]. Но уравнивает «лирическую составляющую» баллады введение лирического отступления, роль которого в балладах XX в. возрастает [17, с. 71]. Автор усиливает чувство напряжения, обращаясь к народному преданию:

Люди сложили поверье,  
В тайге дожив до седин:  
Бойся с весенним зверем  
Выйти один на один,  
Бесчисленны в дебрях могилы  
Без насыпей и крестов [8, с. 23].

Передавая безнадёжность сложившейся ситуации, Завальнюк вновь сбивает ритм баллады: «...Семнадцать, / Острых, как пилы, / Семнадцать / Серых хребтов» [8, с. 23]. Эта точная цифра звучит как приговор – надежды на благополучный исход нет.

Завальнюк показывает, что герой его баллады – обычный человек, испытывающий страх и растерянность – оказавшись в экстремальной ситуации, способен меняться:

В памяти некогда рыться.  
Палка и нож в руке.  
И проснулся  
Высокий рыцарь  
В старом холостяке.  
И дрался он, как влюблённый,  
Огнём сокрушая врага [8, с. 24].



Это изменение фиксируется с помощью «вечного» образа рыцаря, символизирующего благородство, самоотверженность и великодушие. Введение такого образа помогает поэту усилить контраст между «первым» из «Таёжной баллады» и «старым холостяком» из «Баллады о тающем снеге», справившимся с испытанием. Так обозначена авторская позиция (долг мужчины – защищать женщину), которая найдёт раскрытие в последующем творчестве.

Выстраивая сюжет баллады, Завальнюк использует традиционный приём, характерный для баллад эпохи романтизма, – с наступлением рассвета всё страшное исчезает:

Дрогнула темень густая.  
Утро  
И тишина.  
  
В четыре  
Ушла стая,  
А в восемь  
Проснулась она [8, с. 24–25].

Важно отметить, что действие пятой баллады цикла разворачивается весной – в противоположность художественному времени первой баллады. Смерть «первого» в заснеженной тайге соотносится с восприятием зимы как завершения жизненного пути. Так, снова используя принцип контраста двух баллад, автор подчёркивает, что перерождение героя в «высокого рыцаря» обеспечивает ему право на продолжение жизненного пути:

И пошли они дальше, отважные,  
По молодой весне.  
И были губы у женщины влажные,  
Как влажен тающий снег... [8, с. 25]

Проведённый анализ позволяет убедиться, что балладный цикл выстроен вокруг мотива нравственного испытания. Наиболее ярко этот мотив связан с образом тайги, предстающим как пространство, которое позволяет человеку остаться один на один с собой и с миром. Именно Завальнюк делает образ тайги частью художественного мира баллады, обогатив и расширив этот жанр.

Обратившись к балладе, поэт сохраняет такие канонические черты жанра, как использование архетипических сюжетов, смешение христианских и языческих понятий, персонификация природных сил, особая роль художественного времени в развитии сюжета, жанровый синкретизм. Вместе с тем молодой поэт отваживается на жанровую трансформацию. Претерпевает изменение категория ужасного: Завальнюк отказывается от мистической составляющей, делая сюжет более жизненным и реалистичным. Наблюдается уход от традиционного четырёхстопного хорея, использования повествования от первого лица. Интересным представляется и факт возвращения сюжетности – в этом поэт следует традициям, характерным для советской баллады.

Баллада для поэта стала пространством поиска своей художественной манеры, в том числе связанной с использованием мотива нравственного испытания как одного из ключевых

в его художественном мире и сюжетного начала как характерной черты лирики. Как подчеркнул М.Н. Эпштейн, именно «баллада делает поэзию вмняемой, возвращает ей чувство сюжета, временной последовательности, нарративности» [29, с. 210], при этом позволяя сохранить лаконичность повествования. Впоследствии поэт неоднократно возвращался к жанру баллады. Во-первых, ранние баллады неоднократно переиздавались по отдельности в сборниках «Лирика» (1963), «Вторые травы» (1975) и «Книга встреч» (1977). Во-вторых, были написаны новые баллады: «Баллада о первой любви» (1975), «Баллада о жёлтой машине» (1987), «Баллада о рогах» (1987) и др.

Таким образом, пробуя себя в разных жанрах (песня, повесть, поэма, баллада), Завальнюк в 1950–1960-е гг. находится в поиске идеальной для него жанровой формы выражения. В этот период усиливается сюжетное начало его лирики, ведётся эксперимент с ритмикой и строфикой, что позволяет выйти за рамки традиционного стихосложения. Всё это свидетельствует о начале формирования собственной художественной манеры.

### Список литературы

1. Боровская А.А. Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века: дис. ... д-ра филол. наук. Астрахань, 2009. 527 с.
2. Бройтман С.Н. Историческая поэтика // Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. 2. / под ред. Н.Д. Тмарченко. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 368 с.
3. Веселовский А.Н. К народным мотивам баллад о Леноре // Журнал Министерства народного образования. СПб., ноябрь 1885. С. 71–79.
4. Гамерман Ю.В. Леонид Завальнюк: грани судьбы, грани таланта // Амур: литературный альманах БГПУ. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. № 3. С. 82–91.
5. Гамерман Ю.В. Человек, которого я люблю. Благовещенск: Макро-С, 2009. 189 с.
6. Завальнюк Л. «Всё с вами, но не ваш». Избранное. СПб.: Алетейя, 2019. 680 с.
7. Завальнюк Л. Другое измерение. М.: Зебра Е, 2012. 504 с.
8. Завальнюк Л. За отступающим горизонтом. Баллады и поэма. Благовещенск: Амурское книжное издательство, 1956. 104 с.
9. Завальнюк Л. Мужик ласкает даму. Стихи. СПб.: Алетейя, 2014. 208 с.
10. Завальнюк Л. Планета Зет. М.: Зебра Е, 2006. 416 с.
11. Завальнюк Л. Предвестие. СПб.: Алетейя, 2014. 296 с.
12. Завальнюк Л. Пророка жду. СПб.: Алетейя, 2017. 200 с.
13. Завальнюк Л. Слово и цвет. Сто стихов – сто картин. СПб.: Алетейя, 2014. 208 с.
14. Завальнюк Л. Стихи. Благовещенск: Издательство АмГУ, 2001. 272 с.
15. Завальнюк Л. Токи души. СПб.: Алетейя, 2017. 176 с.
16. Завальнюк Л. Три поэмы. СПб.: Алетейя, 2018. 226 с.
17. Ивашина В.В. Эволюция жанра баллады в русской литературе. Общие тенденции // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по материалам VIII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2018. С. 67–72. EDN: [YUAYSX](https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-78-85)
18. Карасик В.И. Переосмысление мифа о братоубийстве в художественном тексте // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 78–85. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-78-85>

19. *Квятковский А.П.* Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. М.: Советская энциклопедия, 1966. 376 с.
20. *Киреева Н.В.* Литературная премия имени Леонида Завальнюка: выработка механизмов поддержки и продвижения «Амурского текста» к читателю // Лосевские чтения – 2019: материалы региональной научно-практической конференции / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск, 2019. С. 55–60. EDN: [IJODUF](#)
21. *Киреева Н.В.* Неизвестный Леонид Завальнюк: первые итоги работы над рукописным архивом писателя // Лосевские чтения – 2018: материалы XI региональной научно-практической конференции / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. С. 57–64. EDN: [XRAYMP](#)
22. *Киреева Н.В., Тимошкова В.В.* Образ пути в лирике Леонида Завальнюка // Лосевские чтения – 2014: материалы региональной научно-практической конференции / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. С. 46–54. EDN: [TCLHRX](#)
23. *Кравцов Н.И.* Славянская народная баллада // Проблема славянского фольклора. М.: Наука, 1972. 360 с.
24. *Красовская С.И.* Леонид Андреевич Завальнюк // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. ст. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 149–153.
25. *Красовская С.И.* Леонид Завальнюк между «углом» и «овалом», или об одном стихотворении с двумя эпитафиями // Культура и наука Дальнего Востока. 2021. № 2 (31). С. 37–42. EDN: [RLWKUH](#)
26. *Павлова Е.* Завальнюк, который всегда с тобой: в Благовещенске в третий раз вручили премию известного поэта // Амурская правда. 26.10.2018.  
URL: <https://ampravda.ru/2018/10/26/085064.htm> (дата обращения: 09.04.2021).
27. *Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н.* Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика // Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Академия, 2004. Т. 1. 512 с.
28. *Урманов А.В.* Мы твёрдо стали на Амуре...: История литературы Приамурья в лицах, судьбах, творческих исканиях: монография. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. 528 с.
29. *Эпштейн М.Н.* Поэзия и сверхпоэзия: О многообразии творческих миров. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 480 с.

### References

1. *Borovskaya A.A.* Genre transformations In Russian poetry of the first third of the 20th century: Doctor's degree thesis. Astrakhan, 2009. 527 p.
2. *Broytman S.N.* Historical poetics. *Theory of literature*: Textbook for students of philological faculties of higher educational institutions: In 2 volumes. Ed. by N.D. Tamarchenko. Vol. 2. Moscow: Akademiya Publ., 2004. 368 p.
3. *Veselovsky A.N.* On folk motifs in ballads about Lenore. *Zhurnal Ministerstva narodnogo obrazovaniya*. St. Petersburg, November 1885, pp. 71–79.
4. *Gamerman Yu.V.* Leonid Zavalnyuk: facets of fate, facets of talent. *Amur: Literary Almanac of Blagoveshchensk State Pedagogical University*. Blagoveshchensk: Publishing House of Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2004, no. 3, pp. 82–91.

5. *Gameran Yu.V.* The man I love. Blagoveshchensk: Macro-S Publ., 2009. 189 p.
6. *Zavalnyuk L.* "Vsyo s vamy, no ne vash" (Everything is with you, but not yours). Selected works. Saint Petersburg: Aleteiya, 2019. 680 p.
7. *Zavalnyuk L.* Another dimension. Moscow: Zebra E Publ., 2012. 504 p.
8. *Zavalnyuk L.* Behind the retreating horizon: Ballads and a Poem. Blagoveshchensk: Amurskoe Knizhnoe Izdatelstvo Publ., 1956. 104 p.
9. *Zavalnyiuk L.* A man caresses a lady: Poems. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2014. 208 p.
10. *Zavalnyiuk L.* Planet Zet. Moscow: Zebra E Publ., 2006. 416 p.
11. *Zavalnyiuk L.* Foreshadowing. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2014. 296 p.
12. *Zavalnyiuk L.* Prophet's waiting. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2017. 200 p.
13. *Zavalnyuk L.* Word and color. One hundred poems – one hundred paintings. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2014. 208 p.
14. *Zavalnyuk L.* Poems. Blagoveshchensk: Amur State University Publishing House, 2001. 272 p.
15. *Zavalnyuk L.* Currents of soul. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2017. 176 p.
16. *Zavalnyuk L.* Three Poems. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2018. 226 p.
17. *Ivashina V.V.* The evolution of the ballad genre In Russian literature: General Trends. *Culturology, Philology, Art History: Current Issues of Modern Science*: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference. Novosibirsk: Association of Research Scientists "Siberian Academic Book", 2018, pp. 67–72.
18. *Karasik V.I.* Rethinking of fratricide myth in fiction text. *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 78–85. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-78-85>
19. *Kvyatkovsky A.P.* Poetic dictionary. Sci ed. I. Rodnyanskaya. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1966. 376 p.
20. *Kireeva N.V.* The Leonid Zavalnyuk literary prize: Developing mechanisms for supporting and promoting the "Amur Text" to the reader. *Losev Readings – 2019*: Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference. Ed. by A.V. Urmanov. Blagoveshchensk, 2019, pp. 55–60.
21. *Kireeva N.V.* Unknown Leonid Zavalnyuk: Initial results of work with the writer's manuscript archive. *Losev Readings – 2018*: Proceedings of the XI Regional Scientific and Practical Conference. Ed. by A.V. Urmanov. Blagoveshchensk, 2018, pp. 57–64.
22. *Kireeva N.V., Timoshkova V.V.* Image of a road in the Leonid Zavalnyuk's poetry. *Losev Readings – 2014*: Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference. Ed. by A.V. Urmanov. Blagoveshchensk, 2014, pp. 46–54.
23. *Kravtsov N.I.* Slavic folk ballad. *The Problem of Slavic Folklore*. Moscow: Nauka Publ., 1972. 360 p.
24. *Krasovskaya S.I.* Leonid Andreevich Zavalnyuk. *Encyclopedia of Literary Life in the Amur Region of the 19th–21st Centuries*. Ed. by A.V. Urmanov. Blagoveshchensk, 2013, pp. 149–153.
25. *Krasovskaya S.I.* Leonid Zavalnyiuk between 'Angle' and 'Oval,' or about a poem with two epigraphs. *Culture and Science of the Far East*, 2021, no. 2 (31), pp. 37–42.
26. *Pavlova E.* Zavalnyuk who is always with you: the famous Poet's Prize awarded for the third time in Blagoveshchensk. *Amurskaya Pravda*, October 26, 2018. URL: <https://ampravda.ru/2018/10/26/085064.htm> (accessed: 09.04.2021).

27. *Tamarchenko N.D., Tyupa V.I., Broytman S.N.* Theory of artistic discourse. Theoretical poetics. *Theory of Literature: A Textbook for Students of Philological Faculties of Higher Education Institutions*. Ed. by N.D. Tamarchenko. Moscow: Akademiya Publ., 2004 vol. 1, pp. 512.

28. *Urmanov A.V.* We firmly stood on the Amur...: the history of Amur Region literature in persons, fates, and creative quests: Monograph. Blagoveshchensk: Publishing House of Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2019. 528 p.

29. *Epstein M.N.* Poetry and super-Poetry: on the diversity of Creative worlds. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 480 p.

Статья поступила в редакцию / Received 19.02.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 06.05.2025

Принята к публикации / Accepted 06.05.2025